

Когда все трое по следам прибежали к кабинету, их взору предстала разбитая лаковая шкатулка, сиротливо лежавшая на полу. Хо Фэнле неподвижно стоял посреди комнаты, низко опустив голову. В его плотно сжатом кулаке белел клочок бумаги, а сам он казался совершенно опустошенным, точно лишившимся последних сил.

— Дядюшка?

— Генерал?

Пока они пытались дозваться до него, за дверью раздался поспешный и встревоженный голос дворецкого Тяня:

— Второй господин! Люди господина Циня принесли срочную весть! Парчовая стража окружила усадьбу придворных купцов Лю. Говорят, их обвиняют в пособничестве в злоупотреблениях на императорских экзаменах, всю семью велют везти в Небесную тюрьму. Господин Цинь спрашивает, станете ли вы заступаться за молодого господина Лю Сяочжу?

— Что?! Дядюшку Лю хотят схватить? — в один голос ахнули Хо Юньцы и Хо Юньцян. Они тут же повернулись к Мо Ци, который только что вернулся, проводив гостя.

Лицо помощника генерала изменилось в цвете:

— Не может быть... Экипаж молодого господина Лю сейчас должен быть у Восточных ворот, они едва ли успели...

Договорить он не успел. Мимо пронеслось стремительное, как порыв бури, движение. В следующее мгновение Хо Фэнле уже оказался у порога, чудом разминувшись с едва не врезавшимся в него дворецким Тянем.

— Второй господин, вы... — начал было дворецкий Тянь, но осекся, когда Хо Фэнле резко вскинул голову.

Дворецкий побелел от ужаса. В глубоких, обычно бесстрастных глазах генерала разгорался безумный, наливающийся кровью багровый блеск. Ворот халата от резкого движения распахнулся, и чуть ниже ключицы проступил зловещий буро-зеленый узор, напоминающий острый шип.

Прежде чем старик успел издать хоть звук, генерал взмыл в воздух и серым сапсаном перелетел через ограду усадьбы.

— Беда! У второго господина старый недуг разыгрался! — истошно закричал дворецкий. — Помощник генерала Мо, скорее за ним!

У Восточных ворот тем временем становилось беспокойно. Люди в толпе испуганно перешептывались, собираясь в кучи.

Внутри экипажа Лю Чжэньцин развлекался, играя со своим слугой. Бедняга Цзиньли в очередной раз проиграл, и в наказание молодой хозяин заставил его вертеться волчком — «призывать удачу» в дорогу, обыгрывая его имя. Но долетевший снаружи гул заставил их прервать забаву.

Цзиньли высунулся в окно и тут же испуганно отшатнулся назад:

— Молодой господин, что происходит? Ворота... они будто закрыть их собираются!

Лю Чжэньцин приподнял плотную занавесь. На лбу его прорезалась глубокая складка. Стражи у ворот прибывало с каждой секундой. Новоприбывшие солдаты грубо расталкивали людей, выстраивали их в цепи и разворачивали повозки назад. Сомнений не оставалось: город спешно блокировали.

«Что стряслось?»

И тут в глаза ему бросилась знакомая фигура — тот самый начальник караула, с которым его сводил Мо Ци. Офицер о чем-то взволнованно толковал с человеком в темных парчовых одеждах с золотым шитьем. Парчовая стража!

Караульный вытянул руку, указывая прямо на их повозку. Стражник в парчовом облачении властно взмахнул рукой, и послушный ему отряд тут же пришел в движение, направляясь напрямик к ним.

Попасть в когти к Парчовой страже — верная гибель. Раз они подняли такой переполох, значит, дело пахнет серьезной облавой. Лю Чжэньцин прищурился. Пока суть да дело, надо уносить ноги.

— Немедленно уходите, — приказал он вознице и слугам, не допускающим возражений тоном. — Бросайте повозку, расходитесь поодиночке и не высовывайтесь. Пробирайтесь к поместью Лю и ждите там вестей.

Не дожидаясь, пока те опомнятся, он схватил ошарашенного Цзиньли за рукав, спрыгнул на землю и, лавируя между испуганными прохожими, нырнул в ближайший заброшенный переулок.

Слуги, нанятые лишь на время поездки, оцепенели от страха и не успели сделать и шага, как их окружили набежавшие ищейки. Разумеется, хранить верность хозяевам за медные гроши

никто не собирался. Под окриками стражников они, заикаясь, тут же выложили, куда побежал молодой господин.

Вот только Лю Чжэньцин был не промах: едва скрывшись из виду, он резко сменил направление и со всех ног помчался в противоположную сторону.

— Молодой хозяин... да что же стряслось-то? — задыхаясь от быстрого бега, взмолился напуганный Цзиньли.

— Сам не знаю, но тучи сгущаются, — на ходу бросил Лю Чжэньцин. — Цзиньли, здесь наши пути расходятся. Пробирайся в поместье Лю окольными путями. Если почуешь неладное — заляг на дно и не смей высовываться!

Сперва он подумал на вчерашнюю каверзу во дворце Великой принцессы. Но, поразмыслив, усомнился: неужели у капризных принцесс достанет веса в совете, чтобы натравить на него саму Парчовую стражу и запереть городские врата? Разве что они состряпали какой-то совершенно немыслимый навет.

Как бы то ни было, являться с повинной нельзя. Нужно затаиться и выжидать.

Цзиньли, утирая слезы, еще пытался протестовать, но хозяин прикрикнул на него, и слуга уныло поплелся дворами к поместью. Сам же Лю Чжэньцин решил затеряться среди лабиринтов восточных кварталов и осмотреться.

Натянув капюшон поглубже, он забился в узкую щель между домами, укрывшись за грудой старых ящиков и тюков. Из своего убежища он наблюдал, как ищейки разбились на мелкие дозоры. Они прочесывали улицу за улицей, и искали они совершенно точно его.

Пока он лихорадочно соображал, куда податься дальше, за спиной внезапно шевельнулся холодный воздух. Опасность!

В бытность канцлером на него покушались так часто, что тело само, повинаясь старым инстинктам, уклонилось влево еще до того, как разум осознал угрозу. Тяжелое лезвие с противным свистом рассекло воздух в каком-то вершке от его уха и с глухим треском врубилось в трухлявый ящик.

Оттолкнувшись от стены, Лю Чжэньцин отскочил назад. Путь ему преградили пятеро дюжих молодчиков, наряженных в простые холщовые рубахи. Вот только держали они тяжелые тесаки, а их хари так и дышали животной злобой. Наемные головорезы.

Взгляд Лю Чжэньцина зацепился за их лица. Память у него всегда была отменной: он приметил этих типов еще у ворот, когда от скуки разглядывал толпу.

— Чьих будете, молодцы? За что нападаете? — Лю Чжэньцин перехватил валявшуюся под ногами толстую слегу и ловким ударом ткнул под дых первому сунувшемуся к нему бандиту. Оружие у того выпало. Сам бывший канцлер ратным искусством не владел, и против пятерых вооруженных громил у него не было ни единого шанса. Приходилось зубы заговаривать: — Ежели дело в деньгах, договоримся! Я заплачу вдвое больше вашего нанимателя!

Вместо ответа из глубины тупика донесся злобный, шипящий смешок. Лю Чжэньцин скосил глаза и едва не выругался. Чуть поодаль, пряча лицо за грязной повязкой, стоял Жун Шимин.

— Ну что, Сяочжу, попался? Сегодня тебе не жить! — прошепелявил он. Из-за выбитых зубов его некогда надменный голос звучал свистяще и глупо, но шутить Лю Чжэньцину не хотелось: этот мерзавец пришел убивать взаправду.

Все стало ясно. Обиженный сынок вельможи затаил смертельную злобу. Проведав об отъезде врага, он нанял убийц и велел им затеряться у ворот, чтобы выследить его на тракте и прирезать в безлюдном месте. Но из-за внезапного закрытия ворот Жун Шимин решил не медлить и кончить дело прямо здесь, в лабиринте трущоб.

Значит, облава Парчовой стражи никак не связана с кознями Великой принцессы. Размышлять об этом времени не оставалось. Жун Шимин окончательно потерял разум от жажды мести, взывать к его совести было бесполезно. А значит...

— Сюда! На помощь! — во весь голос заорал Лю Чжэньцин. — Парчовая стража, беглый преступник Лю Сяочжу здесь!

Ищейки ушли недалеко, крик они услышат наверняка. Оставалось лишь надеяться, что он успеет продержаться до их прихода.

Сделать это оказалось непросто. Тесный проулок мгновенно превратился в ловушку. Не успел Лю Чжэньцин пробежать и пяти шагов, как дорогу ему отрезали. Слегу выбили из рук сильным ударом. Если бы не плотная зимняя куртка из дорогого сукна, сшитая на заказ лучшими портными дома Лю, первое же скользящее лезвие вспорол бы ему бок до костей.

Жун Шимин, видя, как тесак заносится над головой беглеца, уже расплылся в торжествующем оскале, как вдруг Лю Чжэньцин округлил глаза и, глядя ему за спину, истошно крикнул:

— Хо Фэнле!

Страх перед грозным генералом въелся в кости молодого барина настолько глубоко, что он рефлекторно взвизгнул, присел и обернулся. Громилы-наемники, сбитые с толку, тоже замерли и посмотрели на своего хозяина.

Поняв, что позади никого нет и его провели как последнего дурака, Жун Шимин взвыл от

ярости. Но Лю Чжэньцин уже успел проскочить мимо замешкавшихся бандитов и мчался к выходу из тупика.

— Изрубите его в мясо! — брызжа слюной, заорал Жун Шимин.

Разбойники бросились в погоню. Лю Чжэньцин мчался изо всех сил, то и дело оглядываясь. До спасительной улицы оставалось всего пару шагов, как вдруг все тело сковал первобытный ужас. Это было ощущение колоссальной силы, смертоносной, но... лишенной жажды убийства.

Он даже не успел повернуть голову, как со всего маху врезался во что-то твердое, напоминающее стальную плиту. Это была мужская грудь. В то же мгновение чьи-то железные пальцы мертвой хваткой вцепились в его предплечье — с такой силой, что кости едва не хрустнули.

У Лю Чжэньцина упало сердце: неужели засада? Он резко вскинул голову и обомлел. Перед ним стоял тот, кого он никак не ожидал увидеть. Но глаза... Вместо привычного холодного взгляда на него смотрели два безумных, налитых кровью багровых омута. В них плескалась ярость, граничащая с чистым безумием.

— Хо... Генерал Хо? — прошептал он в оцепенении.

Громилы, бежавшие следом, из-за широких плеч незнакомца не разглядели его лица.

— Что, нашел заступника, дрянь? — изрыгнул Жун Шимин, задыхаясь от бега. — Кончайте обоих! Рубите!

Хо Фэнле словно не замечал окруживших их разбойников. Он не отрывал взгляда от Лю Чжэньцина, сжимая его запястье с отчаянной, пугающей силой. И все же Лю Чжэньцин внезапно успокоился. Пусть поведение генерала казалось диким, но пока этот человек рядом, ни одна тварь к нему не прикоснется.

Вспышка черной стали была столь стремительной, что глаз не успел ее зафиксировать. Двое наемников, шедших в авангарде, рухнули замертво по обе стороны от Лю Чжэньцина. Они не успели издать даже хрипа.

— Хо... — Жун Шимин наконец разглядел лицо стоявшего перед ним воина. У него подогнулись колени, и он принялся пятиться, заикаясь: — У... убейте его... назад...

Оставшиеся трое головорезов, так и не поняв, как погибли их товарищи, дураками не были. Жажда наживы мигом уступила место животному страху. Они побросали тесаки и бросились наутек.

Генерал даже не повернул головы в их сторону — его дикий, горячий взгляд по-прежнему

был прикован к лицу Лю Чжэньцина. Он лишь слегка шевельнул кистью. Легендарный клинок Чунцзюнь покинул ножны. С тихим, похожим на яростный рев дракона звоном сталь прочертила в воздухе безупречную дугу. Прежде чем беглецы успели добежать до угла, тяжелое лезвие прошло всех троих насквозь, точно нить — бусины.

С глухим металлическим скрежетом меч вонзился в брусчатку прямо перед ногами Жун Шимина, уйдя в землю на ладонь. Парень с воплем рухнул на спину. От невыносимого запаха свежей крови и вида мертвых тел его парализовал такой ужас, что штаны его мгновенно потемнели и намокли.

Подняться и сбежать он не успел: из переулка тенью вырос Мо Ци и мертвой хваткой вцепился ему в плечо.

Лю Чжэньцин наконец перевел дух. Попытавшись мягко высвободить руку, он сделал полшага назад — просто чтобы немного увеличить расстояние. Но это невинное движение словно подстегнуло безумие генерала. Хватка Хо Фэнле мгновенно сместилась к его запястью, и последовал резкий, не терпящий возражений рывок. Лю Чжэньцин снова врезался в каменную грудь воина.

Ошарашенный, он запрокинул голову. Они стояли так близко, что Лю Чжэньцин кожей ощущал его прерывистое, обжигающее дыхание. От генерала исходил неестественный, лихорадочный жар. Но еще более странным было то, как воин себя вел.

Непобедимый воитель, перед лицом многотысячного войска не поведший бы и бровью, сейчас выглядел потерянным и растрепанным. Позабыв о всяком приличии, он мертвой хваткой держал Лю Чжэньцина за руку, не сводя с него горящих багровым безумием глаз.

— Ты... куда ты собрался? — хрипло, сорванным голосом спросил он.

Лю Чжэньцин растерялся.

«Он же сам провожал меня у ворот, неужто забыл?»

— Я... я просто хотел уехать из Императорской столицы, но тут...

Лицо Хо Фэнле дрогнуло. Губы его беззвучно шевельнулись, словно он отчаянно пытался вытолкнуть какое-то слово, но не мог. Уголки его глаз бессильно опустились. В этот миг во взгляде грозного полководца промелькнула такая невыносимая тоска, что Лю Чжэньцину на секунду показалось, будто он нанес ему смертельную обиду.

Стоявший поодаль Мо Ци едва челюсть не выронил. За все годы службы он ни разу не видел, чтобы генерал во время приступа своего безумия вел себя столь мирно. Это ведь... можно было назвать мирным?

«Неужто успел принять снадобье? Или в этот раз недуг не набрал полную силу? Но ведь глаза-то до сих пор багровые!»

Услышав отдаленный топот множества ног, помощник генерала встряхнул головой и негромко предупредил:

— Генерал, люди из Парчовой стражи близко.

Лю Чжэньцин задержался:

— Генерал Хо, мне пора. Если меня схватят...

Договорить он не успел. Из-за угла с грохотом вывалился передовой дозор ищеек.

— Кто здесь? — грозно выкрикнул предводитель, но, разглядев фигуру в центре переулка, поспешно согнулся в глубоком поклоне: — Приветствуем генерала Хо!

Не успел Лю Чжэньцин и глазом моргнуть, как сильная рука генерала привлекла его к себе, намертво вжимая в широкую грудь, а вторая — натянула ему на голову капюшон, надежно скрывая лицо от посторонних глаз.

Сначала он растерялся, но тут же сообразил, в чем дело, и затих. Раз уж генерал решил его укрыть, глупо сопротивляться. Объятия Хо Фэнле становились все яростнее, ребра едва не трещали, но Лю Чжэньцин лишь старательнее прижимался к нему, уткнувшись щекой в горячую ямку над ключицей.

Лишь теперь, прижавшись к нему всем телом, он почувствовал, как сильно дрожит великий воин. Кожа генерала пылала, словно в жестокой лихорадке, а мышцы были напряжены до предела, уподобляясь натянутой тетиве.

Лю Чжэньцин, скрытый плотной тканью, даже не догадывался, какими дикими, полными ужаса глазами глядели на них сейчас стражники.

Ищейки из Парчовой стражи едва дар речи не потеряли. О таком зрелище они не смели помыслить даже в пьяном бреду. Грозный генерал Хо... только что на их глазах задушил в объятиях... мужчину?! Неужто им это чудится?

Мо Ци беззвучно молился всем богам разом. Зачем прибегать к столь крайним мерам ради спасения мальчишки Лю? Хо Фэнле достаточно было заявить свои права на него одним словом — никто из стражников не посмел бы спорить с героем войны, а императору Юань Цзюе можно было все объяснить позже. Генерал отродясь не жаловал чужих прикосновений, а тут прижимал к себе юношу с таким отчаянием, словно держал величайшую драгоценность, которую боялся потерять.

«Такая дикая, безумная... и до нелепости ребяческая собственническая ярость... Нет, мне точно все это чудится!»

В переулке повисла мертвая, звенящая тишина. Спустя пару бесконечно долгих мгновений старший надзиратель взял себя в руки и кашлянул:

— Генерал, мы получили высочайший указ изловить заговорщиков из семьи Лю. До нас долетел крик... О? — Он наконец заметил валявшегося неподалеку в луже мочи Жун Шимина.

— Молодой господин Жун? Генерал Хо, этот человек также числится в списках государственных преступников. Нам велено взять его под стражу...

Жун Шимин, решивший было, что с приходом стражи его мучениям конец, от этих слов побелел еще сильнее:

— Вы с ума сошли?! Что вы несете? Да я же сын...

— На нынешних императорских экзаменах раскрыли злоупотребления, — холодно оборвал его офицер. — Его Величество лично приказал вычистить всю скверну. Ваше имя, господин Жун, значится в приказе на арест одним из первых.

До Жун Шимина наконец дошел весь ужас положения, и он обмяк на камнях, лишившись чувств.

— Генерал? — Мо Ци вопросительно взглянул на Хо Фэнле. Тот даже ухом не повел, полностью поглощенный своим живым свертком.

Поняв безмолвное повеление, Мо Ци легким пинком швырнул скулящего барчука навстречу стражникам. Жун Шимин, которого уже волокли прочь, внезапно опомнился. Сгорая от злобы, он вытянул дрожащий палец в сторону Лю Чжэньцина, собираясь выдать его с потрохами, но Мо Ци среагировал мгновенно. Короткий, сокрушительный удар кулака в челюсть заставил Жун Шимина захлебнуться собственным криком.

Раздался противный хруст ломающейся кости. Жун Шимин зашелся в беззвучном вопле, выплевывая на мостовую последние уцелевшие зубы вместе с кровью. Теперь он мог лишь мычать.

Парчовые стражники переглянулись с явным недоумением.

— Уж простите, — Мо Ци преспокойно подул на покрасневшие костяшки пальцев. — Старые счета. Боялся, что в Небесной тюрьме до него уже не доберусь.

Офицер дозора, впрочем, дураком не был и прекрасно понял намек. Но долг обязывал его довести дело до конца. Шагнув ближе к Хо Фэнле, он примиряюще прижал ладонь к груди:

— Генерал Хо, при всем уважении, у нас приказ... Тот юноша, которого вы держите...

Стоило ему указать на Лю Чжэньцина, как Хо Фэнле медленно повернул к нему голову. Налитые кровью, безумные багровые глаза уставились на стражника с такой неистовой, звериной яростью, что тот рефлекторно отпрянул. Этот взгляд не сулил пощады: сделай офицер еще хоть полшага, и его рука осталась бы лежать на мостовой.

Офицер поспешно спрятал руки за спину. Прежде чем он успел выдать хоть слово оправдания, из-под капюшона Хо Фэнле вырвался глухой, утробный рык. Так дикий зверь, прижав к земле добычу, предупреждает стаю, что не намерен делиться.

И следом прозвучало леденящее душу, не допускающее возражений:

— Он мой.

Ищейки остолбенели.

Мо Ци беззвучно выругался.

Скрытый под капюшоном Лю Чжэньцин едва не задохнулся от удивления.

«Эрдгоу... отбивает меня у Парчовой стражи? Неужто спасение его племянников действительно стоило такой отчаянной защиты? Да и прежде, когда он заступался за меня, его отношение оставалось подчеркнуто холодным, отстраненным... Отчего же сейчас мне кажется, что все идет наперекосяк?»

Внезапная тревога заставила его инстинктивно дернуться, пытаясь высвободиться из удушающих объятий. Но стоило ему едва шевельнуться, как стальное кольцо вокруг его талии сжалось с такой силой, словно его хотели переломить пополам. Вторая рука генерала намертво прижала его плечи, лишая малейшей возможности сделать даже вдох.

Парчовые стражники окончательно растерялись. Поведение прославленного полководца не оставляло пространства для толкований: он наглядно демонстрировал, что пойдет на все ради защиты своего пленника.

Мо Ци прижал ладонь к лицу.

«Такая дикая, безумная... и до нелепости ребяческая собственническая ярость... Нет, мне точно все это чудится!»

Сам же Лю Чжэньцин наивно полагал, что Хо Фэнле просто старается не выдать его лица ищейкам.

Топот ног стражников наконец затих в отдалении. Лю Чжэньцин легонько ткнул кулаком в каменную грудь генерала, призывая того опомниться.

Лишь тогда Хо Фэнле медленно разжал руки.

Лю Чжэньцин сбросил капюшон и взглянул на него. Багровый туман из глаз генерала исчез, уступив место привычной бездонной черноте — спокойной, отрешенной, но затаившей в самой глубине нечто такое, отчего у Лю Чжэньцина болезненно сжалось сердце.

Подавив смутное предчувствие, Лю Чжэньцин тихо произнес:

— Премного благодарен, генерал Хо. Мне, пожалуй, пора...

Хо Фэнле прервал его на полуслове. Его тихий, хриплый голос прозвучал на удивление твердо:

— Тебе не уйти. Возвращайся со мной.

Лю Чжэньцин замер, не веря собственным ушам.

Видя его замешательство, генерал опустил длинные ресницы, укрывая взгляд, и еще тише, но с прежней непреклонной решимостью повторил:

— Идем в мой дом...

...молодой господин Лю.

<http://bllate.org/book/20542/2178164>